

ДВЕРЬ открылась с необычным мелодичным звоном. Будто постучали во что-то хрупкое и тонкое. Но тут же переливчатый звук смолк, как растворился. А меня уже окутал легкий приятный аромат. Правда, на этот раз загадка была разгадана быстро. На столе, на медной подставке пускали голубоватые дымки три тонкие травяные благовонные свечи, которыми любят пользоваться восточные народы. Оказалось, что эти индийские свечи — подарок хозяйке от подруги юности. Целебный аромат свеч, настоящий на сорока травах, улучшает настроение, лечит головную боль. И я бы добавила, обладает какими-то кодовыми чарами. Иначе откуда испытанное мною очарование от уютного, благожелательного обаяния хозяйки, от мелодии ее голоса — то плавной, то энергичной. А ведь пришла-то я в «опасный» дом, в дом Матрены. И, как зрителю толстовской «Власти тьмы», мне был известен характер этой «себе на уме» деревенской сводницы, матери, не знающей границ в своей слепой любви, убедилась и в действии ее смертельных порошков...

Но если всерьез, то наша встреча с актрисой Лидией Александровной Васютиной значительно приблизила меня к истокам глубокой искренности, правдивости ее Матрены. От этого образа остается удивительно цельное впечатление неослабной жизненности, активного проникновения в толстовскую мысль. Актриса не дает себе передышки, даже когда действие идет не на нее, а зритель сосредоточен взглядом, слухом на других героях, но и в это время она «действует», живет в образе, ведет непрерывный внутренний монолог. И в нашем разговоре с Л. Васютиной словно определились крепкие опоры этого фундамента исполнительского мастерства — целостности художественного образа, которые актриса строила своей жизнью, актерским опытом. Из этого, крепко закрученного «клубка», она взыскательно и щедро вытягивала нити для узора роли своей Матрены, роли, о которой мечтала так долго. И мне показалось важным, не отвлекаясь далее на авторские ремарки, вопросы, привести выдержки из рассказа актрисы и этим попытаться приоткрыть для читателя дверь в ее творческую лабораторию.

С тех пор-то, с юности, я жила в моей душе мечта вновь встретиться с этой ролью. И вот сижу осенью дома, больная, и раздается звонок режиссера Виктора Петровича Антонова: «На репетицию приходишь? На «Власть тьмы»? — «А что у меня там?» — спрашиваю. «Матрена», — говорит. «А-а!» — слов даже не хватило от радости и восторга.

И, честно скажу, работалось мне легко, интересно. Хотя ломали голову над каждой фразой. А наши споры на репетициях с Владими-

театр, участвовала в самодеятельности.

Смешно вспомнить, как поступала в театральное училище. В Горьком его открыли в сорок шестом, и мы с подружкой пришли посмотреть на экзамены как зрители. А в перерыве вдруг нашло на меня. Подхожу к экзаменатору и говорю: «Прослушайте меня». «А документы сдавала?» — спрашивает. Документов, говорю, нет, но все равно прослушайте. И он вызвал меня на сцену и предложил сыграть этюд на тему — бригадир и

вала всем своим нутром, всей жизнью.

На встрече в музыкальном училище я сказала, что люблю свою Матрену и хочу, чтобы и вы ее полюбили, чем вызвала смех у молодежи. Как, мол, можно любить такую злодейку. Конечно, слово «люблю» здесь, скорее, понятнее мне как актрисе, но выразить я хотела вот что. Мне важно, чтобы зритель, соприкоснувшись с замечательным драматургом, ощутил всю глубину уродливой любви Матрены и соотнес бы эти ощущения со своими. Современность Толстого и в том, что таких Матрен, с ее психологией, немало и в наши дни. Только проявляется эта психология в другой форме. Вот с ютуба передачу по телевидению. На скамье подсудимых юноша, который из-за самогонки представил фронтовику нож к горлу. В зале сидит мать, прекрасно одетая, с дрожащими губами. И она считает, что ничего плохого в воспитании сына не делала. Просто уступала ему во всем, покупала сначала дорогие игрушки, потом мотоцикл. А вырос тунеядец. Толстой-то и показывает пути этой уродливой любви. Ради денег, с которыми Матрена видела своего сына счастливым, она заставила его доской придавить живой комочек.

Грустно, конечно, что и через 150 лет за нами тянется такой шлейф поступков. И мне хотелось своей Матреной предостеречь, сказать: «Бабы, оглянитесь и на себя, не такие ли вы в своей материнской любви?»

На мой взгляд, важна в пьесе и другая мысль Толстого — о невидимом персонаже Иване Мосечке, о котором говорят герои. Это страшная личность. Это, по всей видимости, юридически образованный человек, но он-то по сути и дает Матрене толчок в ее действиях. Помните ее слова: «Иван Мосечка знает...». С деньгами, говорит, можно это дело оборудовать, а без денег, говорит, и соваться нечего...» И хотелось, чтобы спектакль, хотя, мне кажется, мы не доносим этой мысли до конца, предостерг зрителя от таких личностей, внушил бы им мысль о том, что никогда не поздно раскаяться, найти в себе силы для честной жизни.

Отрадно, что зал во время спектакля такой чуткий, словно живет с нами одной жизнью. Значит, не в пустую, значит, делаем доброе дело. И желательно, чтобы в репертуаре нашего театра чаще появлялась классика, без боязни, что зритель не поймет и не поймет.

МНЕ остается только добавить к этому монологу лишь некоторые детали. Я пересмотрела интересный альбом с фотографиями актрисы, вернее ее героев из спектаклей «Деньги», «Вишневый сад», «Персональное дело», «Старик», «Цыган», «Порт-Артур»... Эти фотографии — и страницы истории нашего, камчатского театра, который стал первым в артистической жизни Лидии Александровны Васютиной и которому она отдала уже двадцать пять лет творческой службы.

Узнала я и секрет «малинового» звона. Он исходил от двух медных восточных колокольчиков, прикрепленных к дверям. Как объяснила хозяйка, чтобы приятно было гостям.

Объясняя эти секреты, хозяйка энергично переходила из комнаты в комнату, упаковывая сумку к вечернему спектаклю, деловито перечисляя: «Грим взяла, роль взяла...» Но что-то в ее голосе уже было не то. Появились какие-то новые интонации, оттенки. И в памяти всплыли слова Матрены Ани-сье: «Была я, ведашь, у старичка этого за порошками. Это, говорят, сонный порошок. Дашь, говорит, один. — сон такой возьмет, что хоть ходи по нем...»

И я поспешила попрощаться, чтобы далее не отвлекать Матрену, спешившую на встречу со зрителем.

Н. СЕЛИВАНОВА.
Фото Г. САБАЕВА.

СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

СТРАНИЦЫ СПЕКТАКЛЯ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» ПО
ПЬЕСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО. КАМЧАТСКИЙ ДРАМАТИ-
ЧЕСКИЙ ТЕАТР. РЕЖИССЕР В. АНТОНОВ.

ром Павловичем Андриановым! Только «пух и перья летели». Конечно, были в работе и сомнения, и огорчения. Помню, смотрела «Власть тьмы» Малого театра по телевизору. Так только за Матреной, за артисткой Панковой и следила, как судья, как контролер. Отмечала: вот здесь хорошо, а здесь не донесла мысль, безучастна. И все думала, а как же я-то сыграю... Сейчас я получаю такое удовольствие от участия в спектакле. Даже, играя отрывки на маленьких площадках, забываю, что я «на носу» у зрителей, без грима, забываю обо всем. Настолько я понимаю, чувствую эту бабу, настолько мои индивидуальные черты совпадают с материалом. А вслушайтесь, какая русская речь у Толстого, льется, как песня!

Конечно, я понимаю, что моя работа в этой роли далеко не безгрешна. Вот вы меня упрекали в том, что на сцене не проявляется моя любовь к Никите. Но я не понимала, как же так: и слова-то у меня к нему ласковые, и думаю я о нем. А потом посмотрела видеозапись нашего спектакля на телевидении и поняла (со стороны-то виднее): глаза-то у меня неласковые...

Как работала над ролью? Большой толчок мне дали занятия по речи, которые вела консультант ВТО Вероника Алексеевна Косенкова, дай ей бог доброго здоровья. Послушала она меня и говорит: «Все, конечно, прекрасно, но ведь это не Толстой. Вот откройте роль, это какой знак? Точка, а это запятая. Так вы так и читайте. Толстой их не случайно ставил. Матрена хитрая, умная баба, она все преподносит так, как ей выгодно. И своей речью она, как ручеек, завораживает, обволакивает. Посидите дома, вчитайтесь в текст».

Стала вчитываться. Господи, так ведь здесь же точка. Матрена-то остановилась и словно гипнотизирует Ани-сью. И стала идти по тексту, по-толстовски, с теми же паузами, периодами, до буквочки. Думала, чего проще. Но ничего вначале не получалось, сбивалась на привычное прочтение. Смотрите, какие у меня листочки потрепанные. Все читала, изучала. Потом на репетициях и Виктор Павлович следил, чтобы мы не «засоряли» толстовский текст...

На помощь в работе пришли и жизненные впечатления. Ведь память человеческая, как фотоаппарат, «нащелкает», а потом отбрасывает. Так вот таких бабечек, как Матрена, насмотрелась я в юности. После войны, как остались мы без отца, так пошли с мамой по плавновским деревням. Меняли вещи на продукты, подрабатывали. Кем я только не была: и трактористом, и шофером, и мотористом. И был мне деревенский особенно близок. Вот только никогда не думала, что буду артисткой, хотя любила

ленивый работник. У меня сначала голова кругом — никогда об этюдах и понятиях не имела. И вдруг все знакомое, подсмотренное внезапно всплыло в памяти и помогло мне. А была я, как помню, одета в солдатские сапоги, в вельветовую юбку. В общем, посмеялись, и неожиданно меня приняли и даже от следующих туров освободили. Видно, и тут мне пригодились мои деревенские впечатления. Да и на всю жизнь осталась у меня любовь ко всему деревенскому. И бабы сельские более по моему характеру. Вот из последних любимых ролей — Полина из «Трибунала» Макаенка.

В нашей работе очень важно, чтобы было от чего оттолкнуться. Вот сейчас восстанавливаю для радиопередачи монолог врача Сабуровой из спектакля «Единственный свидетель» и вспоминаю, сколько пришлось потрудиться, чтобы найти точку опоры для моей Анны Степановны. Медицина, роль врача — это была новая область для меня. И мне называли, в качестве примера, фамилию хирурга областной больницы Станиславы Хомченко. Договорились мы с ней о встрече. И вот вместе с режиссером Афицинским нам разрешили присутствовать в белых халатах на пятиминутках, на обходах, на операциях. Тогда-то я и поняла суть выражения «в своем деле — артист». Хомченко у операционного стола — царица, богиня. А сколько в ней мужества, доброты к людям. Как-то она шла через пургу, в сопки, чтобы сделать перевязку послеоперационной больной. Мое восхищение этим врачом и скромным человеком осталось на всю жизнь, а тогда, в спектакле, я здорово от нее «оттолкнулась». Ведь в построении роли одно звено цепляется за другое. Тут деталь, взятая из жизни, здесь дошел интуицией, там подсказали. Вот только Матрену я прочувство-

ОТКУДА эта фотография? Узнали? Да, это моя Матрена. А фотографии этой двадцать пять лет. На третьем курсе Горьковского театрального училища мы играли первое действие из «Власти тьмы». И я была Матреной. Тогда-то я и влюбилась в эту роль. Два года назад мы слетались на традиционный сбор выпускников Горьковского театрального. Вот фотографии с этой нашей встречи... Смотрите, Евгений Евстигнеев, Михаил Зимин (камчатцы видели его в гастрольном спектакле МХАТа «Протокол одного заседания»)...

Хорошая была встреча. А после встречи мне и прислали эти фотографии, а среди них и мою давнишнюю Матрену.